

В. П. РУДНЕВ

Божественный Людвиг (Жизнь Витгенштейна)

Детство

Витгенштейн родился 26 апреля 1889 г. в Вене в семье одного из богатейших людей Австро-Венгрии, сталелитейного магната Карла Витгенштейна. Дом на Аллеегассе, где Людвиг провел детство, благоухал роскошью и ему покровительствовали музы. Витгенштейн впоследствии утверждал, что в доме стояло 9 роялей, свидетельство, в которое при всем правдолюбии Витгенштейна трудно поверить. Карл был меценат, в его доме бывали Густав Малер и Иоганнес Брамс. Младший брат Людвига Пауль был гениально одаренным пианистом. Когда на войне ему оторвало правую руку, Морис Равель специально для него написал знаменитый впоследствии Концерт для фортепиано с оркестром ре минор для левой руки.

Участь остальных трех братьев Витгенштейна была печальна. Они все покончили с собой. Старший брат Ганс сбежал от авторитарного отца в Америку и там наложил на себя руки. Это было в 1902 г., а через год в Берлине отравился Рудольф. Курт Витгенштейн в 1918 г., будучи офицером австро-венгерской армии, попал в окружение и застрелился. В юные годы Людвиг самоубийства близких людей буквально преследовали его. Покончил собой кумир его юности Отто Вайнингер, автор знаменитой книги «Секс и характер». Покончил с собой гениальный австрийский физик Людвиг Больцман, у которого Людвиг собирался учиться. Витгенштейн сам на протяжении многих лет страдал тяжелым депрессивным расстройством и все эти годы был на волосок от самоубийства.

Гораздо благополучнее были сестры Людвига — старшая Гермина (Мининг), бывшая его наставницей в детстве, средняя Маргарет (Гретль), для которой он в 1928 г. построил замечательный дом на Кундмангассе, и младшая Хелена (Ленка), у которой было несметное количество детей.

В детстве Витгенштейна звали Люкерль. Люкерль, о котором впоследствии будет написано сотни книг и тысячи статей, был слабым, болезненным, ленивым и слабохарактерным. Но уже в детстве он был философом. Витгенштейн вспоминал: «Когда мне было 8 или 9 лет, я пережил опыт, который если и не был решающим в моей будущей жизни, то по крайней мере был в духе моего характера той поры. Как это произошло, я не помню. Вижу лишь себя стоящим у двери, и размышляющим: “Зачем люди говорят правду, когда врать гораздо выгоднее. И я ничего не мог понять в этом”»¹.

Он учился в школе в Линце. Недавно возникла версия, согласно которой в это же время там учился и будущий Гитлер. В вышедшей в 1998 г. книге «Еврей из Линца» австралийский историк доказывает, что Витгенштейн и Гитлер учились в одном классе, демонстрируя школьную фотографию по принципу — пятый справа Гитлер. Но по фотографии начала века, где и тому и другому 14–15 лет, трудно сказать что-то определенное.

Закончив школу в Линце, Витгенштейн (для того, чтобы иметь возможность поступить в университет), проучился еще два года в школе в Шарлоттенбурге, под Берлином. Оттуда он поехал в Англию, в высшую техническую школу в Манчестер, где весьма успешно занимался конструированием математической модели пропеллера. Весьма возможно, что в его лице мир потерял гениального конструктора. Но Витгенштейн увлекся математической логикой, прочитал труды Фреге и Рассела и в 1911 г. отправился в Кембридж, где Рассел работал преподавателем.

Бертран Рассел

18 октября 1911 года лорд Бертран Рассел пил чай у себя на квартире в Кембридже, как вдруг неожиданно «появился какой-то неизвестный немец, очень плохо говорящий по-английски, но отказывающийся говорить по-немецки. Он представился как человек, изучавший инженерное дело в Шарлоттенбурге, но на протяжении своего обучения почувствовавший влечение к философии математики, и вот он теперь приехал в Кембридж исключительно с целью слушать мои лекции».

Витгенштейн так нервничал, что забыл сказать, что он приехал по рекомендации Фреге и что он уже учился в Манчестере и что

¹ Обращаем внимание, что В. П. Руднев пишет биографический очерк, а не научную статью. Поэтому он отказывается от сносок в тексте. Так и в исходной публикации в журнале «Логос». — *Ред.*

к Фреге ему посоветовал обратиться в Манчестере известный философ Сэмюэль Александер, автор книги «Пространство, время и божество».

Рассел поначалу отнесся к приезжему чрезвычайно легкомысленно. Из ежедневных писем-отчетов, которые он писал своей возлюбленной леди Оттолине Морель из Кембриджа в Лондон, хорошо видна динамика его отношения к Витгенштейну.

19 октября: Мой немецкий друг угрожает быть сущим наказанием.

25 октября: Мой немец, который кажется, скорее, хорошим парнем, — ужасный спорщик.

1 ноября: Мой немец ужасный спорщик и чрезвычайно утомителен. Он не принимает допущения, что в этой комнате нет носорога.

2 ноября: Мой немецкий инженер, мне кажется, — просто дурак. Он думает, что ничто эмпирическое не может быть познано. — Я попросил его принять, что в этой комнате нет носорога, но он не принял.

8 марта 1912 г.: Витгенштейн мне нравится все больше и больше. У него прирожденная страсть к теоретизированию. Это редкая склонность и всегда приятно обнаружить ее в ком-либо. Он не хочет доказывать то или это, он хочет обнаружить, как выглядят вещи на самом деле.

Так или иначе, но когда летом 1912 г. в Кембридж навестить брата приехала Мининг, Рассел произнес знаменитую фразу: «Мы ожидаем, что следующий значительный шаг в философии будет сделан вашим братом».

Дэвид Пинсент

Витгенштейн слушал лекции Рассела, которые продолжались дома у Рассела, принимая форму ожесточенных дискуссий. Он находился в постоянном напряжении. Ему нужен был верный друг, с которым он мог бы отдохнуть, не боясь непонимания и шквальной критики. Такого друга Витгенштейн в Кембридже нашел. Это был студент математического отделения Тринити Колледжа Дэвид Пинсент, с которым Витгенштейн познакомился на одном из вечеров у Рассела.

Дэвид Юм Пинсент был по боковой линии потомком знаменитого английского философа XVIII в. Дэвида Юма. В Кембридже он изучал математику, затем право и — под влиянием Витгенштейна — философию и логику. Дэвид был простым, непринужденным, искренним и во всех отношениях привлекательным молодым человеком, обладавшим развитым музыкальным вкусом, что во многом способствовало сближению с Витгенштейном.

Друзья виделись каждый день, вместе ходили на концерты в университетский Музыкальный Клуб, вместе обедали и попеременно пили чай друг у друга. Исполняли дуэтом сонаты Шуберта: Пинсент играл на фортепиано аккомпанемент, а Витгенштейн высвистывал мелодию — у него был дар виртуозного художественного свиста.

Между тем, чем более теплыми становились отношения между Витгенштейном и Пинсентом, тем более напряженными они становились между Витгенштейном и Расселом. Первого июня 1913 г. Рассел писал Оттолине: «Я провел ужасные часы с Витгенштейном вчера между чаем и обедом. Он начал анализировать все, что было плохого между мной и им. Я сказал, что, по моему мнению, с обеих сторон это все нервы, а на глубине все в порядке. Тогда он сказал, что он никогда не знает, когда я говорю правду, а когда — просто из вежливости. Я разозлился и не отвечал ни слова. А он продолжал и продолжал. Я сел за стол, взял ручку и стал смотреть в книгу, но он все продолжал. Наконец я сказал резко: “Все, что вам требуется, это немного самоконтроля”. Тогда он наконец ушел с трагическим выражением на лице. Перед этим он звал меня на концерт, но сам, конечно, не пришел, и я боялся, что он покончил собой. Так или иначе, я нашел его после концерта в его комнатах (я сразу ушел с концерта, но сначала не мог его найти) и сказал ему, что я прошу прощения за жестокость и говорил с ним так, чтобы ему стало лучше».

Вообще все это последнее полугодие в Кембридже Витгенштейн чувствовал себя очень плохо и все время говорил о смерти.

Дневник Пинсента:

«Он болезненно боится умереть, прежде чем разрешит теорию типов (логическая теория Рассела, основной пункт их разногласий с Витгенштейном) и прежде чем напишет всю свою работу так, чтобы она звучала внятно для мира и принесла некоторую пользу науке Логике. Он уже много написал и Рассел обещал опубликовать работу, если он умрет. Он всегда говорит, что он определенно умрет в течение четырех лет — но сегодня речь шла уже о двух месяцах».

«Ночью он опять говорил о своей смерти, что он на самом деле боится не смерти, но панически беспокоится о том, чтобы не прожить оставшуюся часть жизни впустую. Все это покоится на его абсолютной уверенности, что он скоро умрет — но я не вижу никаких очевидных причин, почему бы ему не прожить еще долгое время».

Норвегия

В конце августа 1913 г. Людвиг и Дэвид поехали путешествовать в Норвегию. Витгенштейн всю дорогу был не в духе, был упрямым и капризным. И Дэвид даже отчасти жалел, что

отправился с ним в эту поездку. Каково же было его изумление, когда Витгенштейн объявил, что хочет остаться в Норвегии один и надолго. Сказано — сделано. Ошарашенный Дэвид был отправлен обратно в Англию. В Кембридже намерение Витгенштейна расценили как очередное безумство.

Витгенштейн же считал время, проведенное в Норвегии, самым продуктивным в своей жизни. Здесь он разработал многое из того, что впоследствии вошло в главный труд первой половины его жизни — «Логико-философский трактат».

Между тем, в марте 1914 г. между Витгенштейном и Расселом разыгралась эпистолярная ссора. Рассел собирался ехать с лекциями в Америку, и Витгенштейн написал ему в письме следующее: «Лучшие пожелания к Вашим лекциям в Америке! Возможно, это даст Вам по крайней мере более благоприятную возможность рассказать им о своих *мыслях*, а не *просто* сухих результатах. *Это* именно то, что было бы наибольшей ценностью для Вашей аудитории — узнать Ваши *мысли*, а не сухие результаты».

Очевидно, Расселу не понравился менторский тон этого письма. В письме к леди Оттолине Рассел написал, что ответил Витгенштейну «в резкой манере». Что именно он ответил, мы не знаем. Но Витгенштейн после этого написал Расселу письмо, в котором объявил, что порывает с ним.

Тем не менее, в своем уединении Витгенштейн давно ни с кем не обсуждал своих идей, а он сам впоследствии говорил своему другу Морису Друри, что философ, который не вступает в дискуссию, все равно, что боксер, который не выходит на ринг. Тут-то Витгенштейн вспомнил о Джордже Эдварде Муре, также преподавателе Кембриджа, впоследствии выдающемся английском мыслителе, одном из основателей аналитической философии. Мур всегда с ним во всем соглашался, Мур не подведет, и вот Витгенштейн подбил Мура, которому уже в ту пору перевалило за 40 лет, срочно приехать к нему в Норвегию с тем, чтобы обсудить сокровенные логико-философские проблемы, ибо только он, Мур, остался на всем белом свете, кто в состоянии понять его, Витгенштейна. В намерения Витгенштейна входило написать работу и передать ее Муру с тем, чтобы ее зачли как диссертацию на степень бакалавра. Мур поначалу отнекивался, но Витгенштейн был неумолим.

Первого апреля 1914 г. Витгенштейн начал диктовать Муру работу под лапидарным названием «Логика», опубликованную лишь посмертно, в 1980 г. как «Заметки, продиктованные Муру».

Вернувшись в Кембридж, Мур, проинструктированный Витгенштейном, представил «Логику» на соискание ученой степени

бакалавра. Однако научное сообщество Тринити Колледжа, отказало признать эту работу «диссертательной» на том основании, что к работе не были приложены предисловие, обзор и список использованной литературы, на которой базируется подобное исследование.

Ничего не поделаешь, Муру пришлось в письме объяснять ситуацию Витгенштейну. Витгенштейн был взбешен и, как в старые времена, когда гонцам, приносящим дурные вести, рубили головы, он разразился следующим посланием: «Дорогой Мур, Ваше письмо раздражило меня. Когда я писал Логику, я не общивался с Кембрижскими циркулярами, поэтому я полагаю, было бы справедливо, если бы вы присудили мне мою степень без всех этих бюрократических соответствий с циркулярами! Вроде Предисловия и Примечаний. Если я не могу рассчитывать, чтобы для меня сделали исключение даже в таких *идиотских* деталях, то я вообще могу отправляться прямо к *дьяволу*; если же я вправе рассчитывать на это, а Вы этого не сделали то — ради Бога — можете сами отправляться к нему».

Через два месяца Витгенштейн опомнился и написал Муру спокойное письмо, в котором попросил нечто вроде извинения. Но все это уже было слишком — даже для Мура. «Думаю, мне не следует ему отвечать, — записал Мур в дневнике, — потому что я не хочу его больше видеть».

Так Витгенштейн поэтапно покончил с Пинсентом, Расселом, Муром и Кембриджем — с первым навсегда, с остальными — на долгие 15 лет.

Благотворительность

В январе 1913 г. Карл Витгенштейн умер. Людвиг совершенно неожиданно для себя оказался наследником огромного состояния. Вернувшись летом 1914 г. из Норвегии в Вену, он совершил свое первое сугубо витгенштейновское деяние, пожертвовав огромную сумму деятелям австрийской культуры. Витгенштейн написал проживающему в Инсбруке издателю журнала “Der Brenner” Людвигу фон Фикеру письмо с предложением послать ему сто тысяч крон, чтобы тот распределил их между нуждающимися литераторами. Фикер в своем ответе поинтересовался, не шутка ли это предложение, — это были огромные деньги. В ответ Витгенштейн послал деньги.

С немецкой пунктуальностью Фикер начал распределять деньги, высчитывая, кому сколько полагается, исходя из культурной значимости реципиента и степени его потребности в деньгах.

Наибольшие суммы (по 20 000 крон) получили трое — Райнер Мария Рильке, Георг Тракль и философствующий писатель Карл Даллаго.

Оставшиеся 30 000 крон были поделены между 9 литераторами и художниками (из них известность получил лишь Оскар Кокошка). Но Витгенштейн и сам ничего не знал о творчестве большинства тех деятелей австрийской культуры, кому он анонимно передавал деньги.

Война

Пока Людвиг занимался благотворительностью, в Европе разгоралась первая мировая война. С началом войны Витгенштейн совершил второе деяние, носящее на этот раз героический характер. Он решительно вступил в австрийскую армию добровольцем. Правда, хотя Витгенштейн был безусловно патриот, его решение идти на войну было продиктовано не только естественным желанием защитить свою родину. Витгенштейн устал от постоянных депрессий и желал себе смерти. На войне это было сделать проще и почетнее. К тому же Витгенштейн хотел быть храбрым. Перед первым своим боем в 1916 г. он писал: «Теперь у меня есть шанс стать *приличным* человеком».

В конце марта 1916 г. Витгенштейн был отправлен в соответствии с его желанием в боевое подразделение — на Русский фронт. Витгенштейн готовил себя к тому, чтобы физиологически и духовно встретить смерть лицом к лицу. Незадолго до наступления командир предупредил его, что поскольку Витгенштейн нездоров (на фронте у него постоянно был дифтерит), его могут отправить в тыл. «Если это произойдет, — писал Витгенштейн, — я убью себя». 15 апреля ему объявили, что он будет допущен к боевым действиям. Витгенштейн считал дни и молил Бога о ниспослании ему храбрости. Он выбрал себе самое опасное место — наблюдательный пост, чтобы уж непременно попасть под огонь русских. 4 мая, когда он был ночью на наблюдательном посту и огонь был шквальным на протяжении всей ночи, он написал следующее: «Только теперь война действительно начнется для меня. И — быть может — и жизнь тоже. Возможно, близость к смерти принесет мне свет жизни».

В феврале 1917 г. в России произошла революция, а Витгенштейн получил серебряную медаль за Доблесть. 1 февраля 1918 г. он был произведен в лейтенанты и награжден медалью за Военную Службу с Лентой и Мечами. В конце октября итальянцы захватили у австрийцев 7 тысяч боевых орудий и взяли в плен 500 тысяч

человек. Среди них был Витгенштейн. Английские друзья пытались освободить его досрочно. Витгенштейн отказался от этого. Он был освобожден из плена вместе со всеми 21 августа 1919 г.

Когда Витгенштейн вернулся в Вену, его ожидало страшное известие, еще одна смерть. Его единственный и горячо любимый друг Дэвид Пинсент 8 мая 1919 г. погиб в воздушном бою. Судьбе было угодно, чтобы друзья воевали по разные стороны линии фронта.

Витгенштейн безусловно принадлежал к тому типу людей, которых принято называть «потерянным поколением». После войны у него усилились депрессии. Он не знал, что делать, куда себя девать. «Логико-философский трактат» был закончен. Душа и ум были опустошены. Тогда он совершил очередной витгенштейнский поступок. От отказался от наследства в пользу семьи. Кроме всего прочего это, так сказать, предоставляло возможность умереть от голода. Витгенштейн жил отдельно от семьи. Но он не умер с голоду, а стал искать работу. Работа, которую он себе нашел, была одним из самых экстравагантных «витгенштейнизмов» в его жизни. Но прежде необходимо хотя бы вкратце рассказать, что представляло собой его главное философское произведение, которому было суждено стать одним из самых знаменитых философских текстов XX в.

«Логико-философский трактат»

Текст «Логико-философского трактата» представляет собой примерно 80 страниц, больше всего напоминающих непомерно разросшиеся тезисы чего-то невероятно огромного — настолько сжато и конденсировано изложение мыслей в этом произведении.

В основе философской доктрины «Трактата» лежит представление об однозначном соответствии — изоморфизме — между языком и реальностью. Предложения языка суть картины (точные отображения) фактов. Но при этом то, в чем состоит суть соответствия между предложением и фактом (логическая форма), не может быть высказано словами. Это мистическая сторона «Трактата», важность которой Витгенштейн многократно подчеркивал.

Все предложения языка можно редуцировать в одно инвариантное предложение, отражающее смысл всех предложений. На естественном языке оно звучит так: «Дело обстоит так-то и так-то». Логически вывод такого предложения происходит путем операции последовательного отрицания всех предложений. Это, так сказать, «нигилистическая» сторона философии «Трактата».

Особую роль в доктрине «Трактата» играет интерпретация предложений логики, которые трактуются как тавтологии — возможности сказать одно и то же разными способами. Цель философии — вскрытие тавтологий, «логическое прояснение мысли». Поэтому метафизическая философия бессмысленна — она производит противоположную работу: логически затемняет мысли. Все, что может быть вообще сказано, должно быть сказано ясно. О том, что не может быть сказано ясно, — этика, эстетика, религия, — лучше не говорить вообще.

Витгенштейн закончил «Трактат» в 1919 г., незадолго до плена. Первое издание «Трактата» вышло в 1921 г. и прошло незамеченным. Однако уже через год «Трактат» был переведен на английский язык и издан в Англии с восторженным предисловием Рассела. Это второе издание вскоре принесло Витгенштейну мировую известность.

Деревня

Вернувшись из плена и подготовив «Трактат» к печати, Витгенштейн стал сельским учителем начальных классов в глухих деревушках, расположенных в Австрийских Альпах. Что толкнуло его на столь экстравагантный поступок? Как и в случае ухода на фронт, причины были двух родов — объективные и субъективные. Объективно на решение Витгенштейна повлияла школьная реформа, проходившая в начале 1920-х гг. Субъективно Витгенштейн нуждался в новом психологическом испытании. И он его получил. Вначале он был на высоте блаженства. Но уже через год в письмах он отмечает пошлость крестьян, подлость учителей-коллег, а также ничтожество всего рода человеческого в целом.

Между тем, в деревушке Траттенбах Витгенштейн слыл загадочной фигурой. Он, например, совершил так называемое «чудо», как это восприняли местные жители. На фабрике остановилась паровая машина. Приглашенные из Вены инженеры не смогли ее починить. Они посоветовали разобрать ее и отправить на ремонт в столицу, чем повергли в уныние директора и рабочих. Тогда Витгенштейн попросил у фабричного мастера разрешение на осмотр машины. Мастер неохотно согласился. Витгенштейн обследовал машину со всех сторон и велел позвать на подмогу четырех рабочих. Следуя указаниям Витгенштейна, рабочие принялись ритмично постукивать по машине, и к удивлению присутствующих она заработала.

Витгенштейн жил в убогой комнатенке, питался же он так скудно, что приводил односельчан в ужас. Он обедал в самой

бедной семье, с которой его познакомил священник. Впоследствии этот аскетизм, которого Витгенштейн придерживался до конца своих дней, многих приводил в изумление. Причины, как всегда, — объективные и субъективные. Объективно у Витгенштейна всегда было маленькое жалованье (или не было никакого). Субъективно — по-видимому, Витгенштейн понимал это бессознательно, — жесткая диета помогает при депрессиях. К тому же, как и во всем остальном, большую роль играло толстовство Витгенштейна, которое началось еще во время войны, когда он купил в Кракове толстовское переложение «Евангелий».

Но самое удивительное, что этот человек, логик, автор абстрактнейших и сложнейших теорий, оказался превосходным педагогом.

Витгенштейн устраивал для учеников экскурсии в Вену. На обратном пути в Траттенбах, пробираясь через лес, дети собирали известные им по школьным занятиям камни и растения. На улицах Вены Витгенштейн обрушивал на них лавину сведений и вопросов, показывал им архитектурные стили и машины, объяснял им устройство различных приспособлений: паровой машины, шкивов и т. д. В Траттенбахе Витгенштейн рассказывал ученикам о законах рычага, а на экскурсии учил применять их в необычных ситуациях. Очутившись около собора Святого Стефана, они рассматривали зарисованные на уроках рельефы и архитектурные стили — готику, барокко. Во время прогулок по городу или посещения дворца Шенбрунн Витгенштейн указывал на колонны и просил детей определить, к какому ордену они относятся.

Ученики, конечно, страшно любили Витгенштейна и ходили за ним, как привязанные, чем, естественно, навлекли на него ненависть своих родителей, которые считали, что он хочет отвести их от будущей помощи в земледельческих работах и переманить в город.

В ноябре 1922 г. Витгенштейн переехал в Пухберг, богатую и процветающую деревню, где ему было объективно лучше всего. Жители Пухберга, состоятельные благодаря тому, что это было курортное место, радовались, что учитель занимается с их детьми. К тому же во время пребывания в Пухберге вышел наконец «Трактат» и Витгенштейн познакомился с его переводчиком, юным математическим гением Фрэнком Рамсеем, который приехал к нему в гости из Англии. Разговоры с ним растормошили Витгенштейна. На него пахнуло воздухом Кембриджа. Он вновь почувствовал вкус к философским дискуссиям. Он стал говорить, что доработает до конца года и уедет из деревни, будет работать садовником (как епископ в фильме Бунюэля «Скромное очаро-

вание буржуазии») или поедет в Англию и найдет работу там (дворника, например, или извозчика).

В сентябре 1924 г. Витгенштейн перебрался в последнюю из трех деревень — Оттерталь. Именно там он написал «Словарь для народных школ», где кодифицировал ту диалектную разновидность немецкого языка, на которой говорили в Австрийских Альпах. В отличие от «Трактата» эта вторая и последняя изданная при жизни Витгенштейна книга, вышла в свет очень быстро, в 1926 г.

Кончилась же учительская карьера Витгенштейна тем, что он просто был вынужден бежать из Оттерталя.

Завидовавшие ему учителя подали на него в суд за то, что он, якобы, избивает учеников, что на его уроках дети падают в обморок и истекают кровью. На самом деле, Витгенштейн, хотя и действительно прибегал к розгам, но делал это не чаще других учителей. Чаще всего он наказывал за ложь.

Скандал разразился в апреле 1926 г. Учитель Пирибауэр, по характеру склочник, ненавидивший Витгенштейна, случайно оказался свидетелем очередного «истязания» ребенка и отправился на станцию за полицией. Витгенштейн, узнав об этом, быстро собрал вещи и уехал. Однако судебное преследование против него было все же возбуждено. Потом последовал судебный процесс с унижительным психическим обследованием. Витгенштейн был оправдан, но с него уже было довольно. Учительская карьера действительно на этом закончилась.

Дом для Гретль

И тогда он решил стать монахом. К счастью, настоятель монастыря, к которому он обратился, был настолько умен, что отговорил его от этого шага. Тогда Витгенштейн устроился садовником в монастыре неподалеку от Вены. Когда же летом 1926 г. Витгенштейн наконец вернулся в Вену, сестра Маргарет предложила ему принять участие в постройке нового дома на Кундмангассе. Архитектором дома был Пауль Энгельман, близкий друг Витгенштейна, с которым он познакомился во время войны.

Роль Витгенштейна в оформлении дома сводилась по большей части в декорировании окон, дверей, оконных ручек и радиаторов. Но это были не такие мелкие детали, как может показаться на первый взгляд, поскольку именно эти детали придавали дому его неповторимую прелесть. В сущности, любой дом весь состоит из деталей, и Витгенштейн руководил их построением почти с фанатической скрупулезностью.

Маргарет могла въехать в новый дом в конце 1928 г. По мнению Гермины, Гретль вошла в новый дом, как рука входит в перчатку. Дом был продолжением ее личности — и в этом, конечно, была заслуга Людвига.

Несмотря на все эти качества или благодаря им дом на Кундмангассе имел несчастливую судьбу. Менее чем через год, после того, как Гретль въехала в него, началась Великая Депрессия, и хозяйка вскоре была вынуждена принимать гостей не в величественном зале, а на кухне. В 1938 г., после Аншлюса, она уехала в Нью-Йорк, оставив дом пустым (за ним присматривал единственный слуга). В 1945 г., когда в Австрию пришли русские, дом использовался как бараки для солдат. Гретль вернулась в 1947 году и жила в доме вплоть до своей смерти в 1958 г. В 1971 г. дом был признан национальным памятником; ныне в нем располагается департамент культуры Болгарского посольства.

Маргарита

После постройки дома на Кундмангассе Витгенштейн был втянут своей сестрой Гретль в Венское общество. Ее старший сын Томас только что вернулся из Кембриджа и работал над диссертацией на степень доктора философии, которую он собирался получить в Венском университете. В Кембридже он встретил девушку из Швеции — Маргариту Респингер — и пригласил ее в Вену. По-видимому, это была единственная женщина, в которую Витгенштейн был влюблен, с которой у него был серьезный роман, длившийся до 1931 г., и на которой он даже собирался жениться.

Маргарита была живая, артистичная молодая леди из богатой семьи, не имеющая ни интереса к философии, ни той набожной серьезности, которую Витгенштейн считал необходимой предпосылкой всякой дружбы. Первоначально их отношения подбадривала Гретль, несмотря на то, что другие знакомые и родственники были, скорее, озадачены.

Маргарита впервые увидела Витгенштейна, когда он, повредив себе ногу на стройке дома для Гретль, лежал, выздоравливая у нее в семье. Она входила в группу молодых людей, которая включала в себя Томаса, кузенов Витгенштейна братьев Сегренов, Талле и Арвида, которые собирались вокруг витгенштейновой кровати послушать, что он читал вслух. В тот вечер он читал что-то из шведского писателя Хебеля, и она сказала: «Благодаря вашему чтению я вновь почувствовала себя дома».

После этого Витгенштейн и Маргарита начали видеться почти ежедневно. Будучи в Вене Маргарита посещала художественную школу, а после уроков шла на Кундмандгассе, туда, где строился новый дом для Гретль, чтобы встретиться там с Витгенштейном. Они шли вместе в кино, смотрели вестерн и заходили в кафе закусить — яйца, бутерброды и стакан молока. Эта была, по правде сказать, не та еда, к которой она привыкла. И для нее, respectable молодой дамы, требовалась определенная доля мужества, чтобы постоянно находиться в обществе Витгенштейна, одетого в шерстяной жакет, рубаху с открытым воротом, пузырящиеся брюки и тяжелые ботинки.

В это время Витгенштейн работал в мастерской скульптора Дробиля (с которым он познакомился в итальянском плену). Он слепил бюст молодой женщины, моделью которого была Маргарита. Но это был не ее портрет, как утверждал и сам Витгенштейн, и не произведение искусства в полном смысле слова, это было «прояснение» для Витгенштейна того, что делал Дробиль, стиля его работы. Эта скульптура была как бы воплощением цитаты из книги Вайнингера: «Любовь к женщине возможна только тогда, когда она не касается ее реальных качеств, и тогда становится возможным заменить подлинную физическую реальность другой, воображаемой реальностью».

В конце 1929 г. отношения между Маргаритой и Витгенштейном стали менее равными. Когда он первый раз приехал из Кембриджа в Вену провести Рождество в своей семье, она даже не захотела поцеловать его. Однако отношения на этом не кончились. Их заключительный аккорд звучит в чисто витгенштейновской тональности. Ранним летом 1931 г. Витгенштейн пригласил Маргариту в Норвегию, чтобы подготовить ее, как он полагал, для будущей совместной жизни. В его намерения входило, чтобы они проводили время по отдельности, размышляя над тем серьезным шагом, который им предстоит, чтобы подготовить, так сказать, духовную почву для совместной жизни.

Соответственно Витгенштейн жил в своем доме, который был построен для него еще в 1914 г., а Маргарита — в соседнем. На протяжении двух недель Маргарита видела Витгенштейна очень мало. Распаковав свои вещи, она обнаружила там Библию и письмо, в котором особо подчеркивалось значение рассуждений апостола Павла в Первом послании к коринфянам о природе и ценности любви. Но вместо медитаций, молитв и чтения Библии, — в которых несомненно проводил время Витгенштейн, — она гуляла по окрестностям, купалась во фьорде, понемногу знакомилась с крестьянами и учила норвежский язык. Через две недели она

попросту уехала к подруге в Рим. Не только она не хотела жить той жизнью, которую предлагал ей Витгенштейн, но и он не согласился бы жить той жизнью, которую могла бы предложить ему она. К тому же Витгенштейн не хотел иметь детей, считая, что это означает приносить еще одно существо в мир страданий и несчастий. Визит в Норвегию положил конец идее женитьбы, но не дружбы, которая продолжалась еще два года, пока Маргарита не влюбилась в Тале Сегрена и не вышла за него замуж в 1933 г.

Венский кружок

Пока Витгенштейн учил в деревнях крестьянских детишек арифметике и чистописанию, идеи его «Трактата» потихоньку распространялись в обществе. В 1920-е гг. в Вене образовался так называемый Венский логический кружок, куда входили философы, математики и физики. Именно Венский кружок окончательно и наиболее последовательно сформулировал доктрину логического позитивизма. «Трактат» Витгенштейна стал для них чем-то вроде Библии, что отчасти было основано на недоразумении. Витгенштейн не был логическим позитивистом, хотя в «Трактате» и содержалось несколько параграфов логико-позитивистского толка.

Председатель кружка Мориц Шлик решил познакомиться с Витгенштейном. Летом 1924 г. Шлик написал Витгенштейну в Пухберг большое письмо, в котором подчеркивал, какое впечатление произвел «Трактат» на него и на его коллег. В заключении Шлик просил аудиенции у Витгенштейна в Пухберге. Витгенштейн милостиво согласился.

Можно представить себе абсурд ситуации, когда университетский профессор со своими самыми избранными студентами прибыл в резиденцию великого философа, зарабатывающего на хлеб уроками в начальной школе, и им сообщили, что господин учителя нет дома, ибо он в эти часы находится в школе, где исполняет свой служебный долг.

Шлик был в восторге, когда в феврале 1927 г. Гретль пригласила его на ужин, где будет присутствовать сам Людвиг Витгенштейн! Правда, тут было очень печальное для Шлика условие. Витгенштейн отказывался обсуждать философские проблемы. Тем не менее, после встречи с Витгенштейном, как вспоминает жена Шлика, «он возвратился в состоянии экстаза, говорил мало, и я чувствовала, что не надо задавать вопросов».

Вскоре после этого Шлик и Витгенштейн стали встречаться для дискуссий регулярно. Летом 1927 г. Витгенштейн посещал

группу, которая встречалась по понедельникам и составляла тщательно препарированную Шликом избранную часть кружка. Сюда входили Фридрих Вайсманн, Герберт Фейгль и Рудольф Карнап. Успех этих встреч был обусловлен тем, что Шлик тщательно контролировал ситуацию. Карнап впоследствии вспоминал: «Перед первой встречей Шлик настоятельно предупредил нас не затевать дискуссии того типа, которые приняты в Кружке, потому что Витгенштейн в таких обстоятельствах этого не захочет. Мы должны были быть также осторожны, задавая вопросы, потому что Витгенштейн очень чувствителен и его легко можно вывести из себя прямым вопросом. Лучше всего было бы дать Витгенштейну говорить, о чем он хочет, а потом с осторожностью задать вопросы, необходимые для дальнейшего прояснения проблемы».

Шлик уговорил Витгенштейна посещать эти встречи, сказав, что дискуссии не будут носить сугубо философский характер, что он может говорить, о чем угодно. Витгенштейн, воспользовавшись этой *carte blanche*, порой позволял себе просто издеваться над ними. Так он мог повернуться спиной к собранию и начать читать стихи, подчеркивая этим — при обсуждении «Трактата», — что гораздо важнее то, что не высказано. Так, он читал им мистические стихи Робиндраната Тагора, популярного тогда в Вене. Вскоре членам Кружка стало ясно, что Витгенштейн ни в коей мере не является логическим позитивистом, что его установки во многом противоположны их установкам.

Отношения с Кружком кончились, как водится, ссорой и скандалом. Карнап летом 1932 г. опубликовал статью «Физикалистский язык как универсальный язык науки». Витгенштейн обвинил Карнапа в том, что тот использовал его идеи, о которых он рассказывал в беседах с членами кружка. В дальнейшем Витгенштейн обвинял в плагиате и Шлика.

Так или иначе, Венский кружок вместе с Фрэнком Рамсеем разбудил в Витгенштейне философа. А философией он мог заниматься только в Англии. И Витгенштейн на сороковом году жизни вновь отправился в Кембридж.

Кембридж: 1930-е годы

Витгенштейн приехал в Кембридж 18 января 1929 г. Приехал не так, как первый раз в 1911 г., — «плохо говорящим по-английски немцем». В этот раз его ждали, в честь него устраивали обеды, он был не просто известным на весь мир мыслителем, он стал, выражаясь современным языком, «культовой фигурой».

Но Витгенштейну, на все это было наплевать — Фрэнк Рамсей для него был единственным человеком, с кем можно всерьез обсуждать философские проблемы.

Первые два триместра Витгенштейн числился «продвинутым студентом» (что-то вроде аспиранта), пишущим диссертацию, которую он должен был представить на соискание степени доктора философии. Официальным научным руководителем ему назначили Фрэнка Рамсея, который был на 17 лет моложе своего подопечного. Экзаменаторами же (так сказать, оппонентами) были назначены Рассел и Мур. Защита состоялась 18 июня 1929 г. Когда Рассел вошел в экзаменационную комнату вместе с Муром, он улыбнулся и сказал: «Никогда в моей жизни не было ничего более абсурдного». Экзамен начался беседой между старыми друзьями. Затем Рассел, смакуя абсурдность ситуации, сказал Муру: «Продолжай, ты должен задавать ему какие-то вопросы — ты же профессор». Затем последовала короткая дискуссия между Расселом и Витгенштейном по поводу витгенштейновской теории невыразимости логической формы. Разумеется, Рассел не убедил Витгенштейна ни в чем, и кончилось это сугубо торжественное заседание тем, что Витгенштейн поднялся, похлопал каждого из экзаменаторов по плечу и покровительственно заметил: «Да не волнуйтесь вы: я знаю, что вы этого никогда не поймете».

Однако удачи чередовались с потерями. В начале 1930 г. Витгенштейн узнал, что Фрэнк Рамсей неизлечимо болен. У него был тяжелый вирусный гепатит (болезнь Боткина). 19 февраля в возрасте 26 лет Рамсей умер. Смерть как будто ходила за Витгенштейном по пятам, отнимая у него самых близких друзей.

На следующий день после смерти Фрэнка Витгенштейн должен был читать свою первую лекцию в Кембриджском университете — он читал их с несколькими перерывами в общей сложности почти 20 лет.

Манера, в которой Витгенштейн читал лекции, описывалась много раз вплоть до самых невероятных легенд, рассказывавших, что Витгенштейн лежал на полу и, глядя в потолок, бормотал что-то неразборчивое. Лучшее, описание его лекций дал его ученик, американский философ Норманн Малкольм: «Читая лекцию или же просто беседуя с кем-то, Витгенштейн всегда говорил отчетливо и очень выразительно. Он говорил на отличном английском языке — так, как говорят образованные англичане, но с вкраплением отдельных германизмов. Витгенштейн сидел в центре комнаты на простом деревянном

стуле. Он часто чувствовал, что зашел в тупик. Нередко у него вырывались такие выражения, как “Я дурак”, “У вас ужасный учитель”, “Сегодня я очень глуп”. Иногда он выражал сомнение в том, сможет ли продолжать лекцию. Он был очень нетерпелив и легко раздражался. Если кто-нибудь чувствовал несогласие с тем, что он говорил, Витгенштейн настойчиво требовал от оппонента, чтобы тот четко сформулировал свое возражение. Однажды, когда Йорик Смедис, старый друг Витгенштейна, не смог облечь свое возражение в слова, Витгенштейн грубо сказал ему: “С таким же успехом я мог бы говорить с этой печью!” Жестокость Витгенштейна была, как мне кажется, связана с его страстной любовью к истине. Он постоянно бился над разрешением сложнейших философских проблем. Решение одной проблемы влекло за собой другую. Витгенштейн был бескомпромиссен: он должен был достичь *полного* понимания. Он был в неистовстве. Все его существо находилось в величайшем напряжении. Ни от чьего взгляда не могло укрыться, что эта работа требовала предельной концентрации воли и интеллекта. Это было одним из проявлений его абсолютной, беспредельной честности, которая распространялась как на него самого, так и на окружающих, и была причиной того, что он действовал на людей устрашающе и часто был просто невыносим и как учитель, и в личных отношениях с людьми».

Самым близким и верным учеником Витгенштейна на протяжении всей его кембриджской жизни был ирландец Морис Друри. Будучи преподавателем философии, Витгенштейн отговаривал всех без исключения своих учеников от профессиональной философской деятельности, так как считал ее бессмысленной и вредной. Друри сразу проникся идеями Витгенштейна. Он покинул философский факультет и нашел свое призвание, став врачом-психиатром.

Близким другом Витгенштейна был также студент-математик Фрэнсис Скиннер. Фрэнсис обладал двумя особенно заметными качествами — крайней застенчивостью и бесконечным благородством. Под влиянием Витгенштейна Скиннер оставил занятия в университете и стал механиком. В 1941 г. он тяжело заболел полиомиелитом и умер. Это был третий близкий друг Витгенштейна, умерший молодым. Первое, что приходит на ум в этой связи, это сравнение с доктором Фаустусом Томаса Манна. И хотя, скорее всего, Витгенштейн не заключал договора с дьяволом, тем не менее, в середине 1930-х гг. у него возникла идея, что он должен исповедаться перед всеми друзьями в своих грехах.

Исповеди

С «римской прямохой» в ноябре 1936 г. Витгенштейн разослал письма наиболее близким друзьям, где просил позволения у каждого встретиться с ним для особого разговора. Из всех кембриджских исповедников воспоминания об этом событии оставили Роланд Хатт и Фаня Паскаль.

Для них обоих исповедь Витгенштейна была тяжелым испытанием. В случае с Хаттом дело происходило в кафе, Витгенштейн сидел напротив него и перечислял свои грехи громким монотонным голосом. Эпизод, который поведал Витгенштейн Хатту, был связан с первой мировой войной: когда командир приказал ему перенести бомбы под мост через ручей под огнем противника, он почувствовал страх. Витгенштейн победил свой страх, но сознание первоначальной трусости мучило его все годы.

О том, как происходила исповедь с Фаней Паскаль, рассказывает она сама: «Вспоминаются два “греха”, в которых он исповедовался: первый касается его еврейского происхождения, второй — проступка, совершенного им в бытность сельским учителем в Австрии. По поводу первого он сказал, что понял, что большинство знавших его людей, включая и друзей, воспринимают его на 3/4 арийцем и на четверть евреем. На самом деле пропорция обратная, а он не предпринял до сих пор ничего, чтобы предотвратить это недоумение. “Слегка еврей”, — сказала бы моя бабушка. Самая болезненная часть исповеди шла в конце. В то недолгое время, когда он учительствовал в деревенской школе в Австрии, ему случилось ударить и ранить девочку из своего класса. Когда она пожаловалась директору, Витгенштейн стал отрицать свою вину. Этот случай, когда он солгал, навсегда отяготил его сознание».

Как и во всем, идя до конца, Витгенштейн решил искоренить свои грехи радикально и исповедей ему казалось не достаточно. Он поехал в Оттерталь и просил прощения лично у тех учеников, которых он 12 лет назад наказывал или обижал, в частности у дочери Пирибауэра, который в 1926 г. «заложил» его полиции. Все это было мучительно для обеих сторон, но помогло мало, — весь 1937 г. Витгенштейн чувствовал себя неважно. Он делал ошибку, достаточно типичную для большинства людей, страдающих тягостными депрессивными расстройствами. Ошибка эта заключается в том, что они психологический план своего состояния переводят в этический. Витгенштейн от этого в разной степени страдал практически всю жизнь. Однако, возможно, что именно это креолизировалось в его столь своеобразном философском творчестве, в частности, в идее о том, что этика невыразима.

Поездка в Россию

В 1934 г. Витгенштейн попытался осуществить самый безумный и эффектный из своих экзистенциальных проектов. Он решил уехать на постоянное жительство в Советский Союз. Политически Витгенштейн был настроен достаточно левым образом. Он одобрял коммунистический режим, хвалил Сталина за то, что тот «дал людям работу». Вполне позитивно он отзывался и о Ленине, говоря, что несмотря на то, что философские сочинения Ленина — бред, «он все же хотел что-то сделать». В Москве ему очень понравился Мавзолей — он как профессионал хвалил архитектуру этого сооружения.

«Русский проект» Витгенштейна заключался в следующем. Он собирался в Ленинграде обратиться в Институт народов Севера и отправиться в экспедицию к этим народам на манер Миклухо-Маклая. Начал же он с изучения русского языка. Как человек способный он очень быстро добился таких успехов, что мог читать по-русски Достоевского и Толстого. Его учительница Фаня Паскаль уже после смерти Витгенштейна обнаружила роман «Преступление и наказание», где в каждом слове было проставлено ударение.

В 1935 г., когда Витгенштейн уже всерьез готовился к поездке в Советский Союз, он настолько хорошо овладел русским языком, что мог общаться с советскими функционерами. Когда Посол СССР в Великобритании Майский спросил Витгенштейна, как у него обстоит дело с русским языком, тот ответил: «Испытайте меня». После разговора на русском языке Майский похвалил Витгенштейна, сказав, что он говорит совсем неплохо.

Витгенштейн отправился на пароходе в Ленинград 7 сентября 1935 г. Он прибыл в Ленинград 12 сентября. Здесь он посетил Институт Севера, а также отдал визит университетскому профессору философии Татьяне Горнштейн. В университете ему предложили читать курс философии.

В Москве состоялась встреча с профессором математической логики Софьей Яновской, с которой он потом переписывался и посылал ей (она была больна диабетом) лекарства из Англии. Когда он пришел на философский факультет Московского университета и представился, Яновская воскликнула: «Нет, не может быть, неужели тот самый великий Витгенштейн?!» После продолжительной дружественной беседы, посвященной актуальным проблемам современной философии, Софья Яковлевна вздохнула и посоветовала Витгенштейну «больше читать Гегеля».

Яновская потом вспоминала, что Витгенштейн отзывался одобрительно о диалектическом материализме. Но если хочешь

найти работу, отзовешься положительно о чем угодно. Да и о чем ему еще было положительно отзываться? О Гуссерле? В Москве ранней осенью 1935 г. одобрительных отзывов о Гуссерле не поняли бы. Между тем, Витгенштейн утверждал, что через Яновскую ему предложили (это уже какой-то снежный ком!) кафедру в Казанском университете, куда он ездил, чтобы побывать в университетском городе, где учился Толстой, а также — место преподавателя в Московском университете. Витгенштейн не соглашался, говоря, что ему бы что-нибудь попроще, землицы в Костромской губернии или фрезерный станок на заводе Лихачева, но русские товарищи дали ему понять, что в качестве рабочего и колхозницы он в России не нужен (своих девать некуда), и если не хочет кафедру в Казани, то пусть лучше едет обратно в Тринити колледж к английским товарищам.

После возвращения в Англию Витгенштейн ни с кем не обсуждал свою поездку в Россию.

Последние годы

Во время второй мировой войны Витгенштейн работал санитаром в одном из госпиталей Лондона. Не будучи в состоянии идти на фронт (ему было уже больше 50 лет), он полагал бессмысленным и позорным преподавать философию, когда Лондон бомбили немцы (после того, как Гитлер захватил Австрию, Витгенштейн принял английское подданство). Официально должность Витгенштейна в госпитале называлась «аптечный носильщик» (*dispensaryporter*). В его обязанности входило разносить лекарства из больничной аптеки по палатам. Работая санитаром, Витгенштейн продолжал оставаться философом. Он разносил лекарства по палатам, а затем советовал пациентам не принимать их. Когда руководителя Витгенштейна по аптечным делам через много лет спросили, помнит ли он Витгенштейна, он сказал: «Конечно, отлично помню. Он пришел к нам работать и, проработав три недели, подошел ко мне и объяснил, как лучше организовать место. Видите ли, это был человек, который привык думать».

После войны Витгенштейн ушел с профессорского поста в Тринити коллежде на пенсию. Всю свою энергию он посвятил завершению основного труда второй половины своей жизни — «Философских исследований». За 20 лет в Кембридже Витгенштейн очень много написал, но ничего не опубликовал. Все рукописи, а также записи лекций после его смерти постепенно были опубликованы его душеприказчиками.

Под конец жизни Витгенштейном, как в юные годы, овладела депрессия. Но экстравагантных поступков совершать уже не было сил. Все силы отдавались подготовке окончательной редакции главного сочинения. Закончить его Витгенштейн не успел. В 1950 г. врачи поставили ему смертельный диагноз — рак простаты. Последние месяцы жизни Витгенштейн жил в доме своего врача доктора Бивена. Когда ему объявили, что у него рак, Витгенштейн ужаснулся не тому, что он обречен на скорую смерть, а тому, что ему придется умирать в больнице. Тогда доктор Бивен сказал, что Витгенштейн может перед смертью поселиться у него. Последние пять недель перед смертью у Витгенштейна вдруг наступило просветление, у него была ясная голова и он много работал.

О кончине Витгенштейна рассказывают следующее: «В пятницу, 27 апреля, после обеда, он гулял. Ночью ему стало очень плохо. Он был в сознании, и, когда доктор сказал ему, что он может прожить только несколько дней, он воскликнул: “Боже!” Перед тем как он потерял сознание, он сказал миссис Бивен, которая оставалась всю ночь у его постели: “Передай им, что у меня была прекрасная жизнь”». 29 апреля 1951 г Витгенштейн умер.

Прибывшие к его одру друзья Смедис и Друри после недолгих колебаний похоронили его по католическому обряду.

